

Алина Сурменева

ПОВЕСТЬ БЕЗВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Сурменева

Повесть безвременных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815597

SelfPub; 2020

Аннотация

Хроники жизни студентов из Российской глубинки. Будущее маленького города не очень-то и светлое, потому ребятам приходится самим придумывать, как выкрутиться без денег, выжить без хлеба и заодно развлечься. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

104

«9 февраля 2017 года. Нет, это не дата нового апокалипсиса. Всего лишь моё восемнадцатилетие. Когда я была маленькой, представляла себе, как по зеркальной сиреневой глади неба к моему дому сплывается огромная стая цветных дирижаблей и как много маленьких белых цветов распустится под окнами сквозь толщу февральского снега. Я никогда не надеялась вырасти привлекательной. Хотелось, чтобы красота была вокруг меня.

А сейчас – свершилось. Мне восемнадцать, и я сижу в той же обстановке, что и год назад, разве что обои как-то ободрала в истерике. Везде, кроме комнаты родителей. Там по-прежнему лежат их вещи и документы, и я не смею прикоснуться к ним.

Дежавю. Хотя нет. Ещё месяц назад мне было страшно здесь, а теперь я смотрю сквозь большой оконный проём без штор на верхушки деревьев и думаю о том, что с этого ракурса город, где я живу, не так уж и плох, но пора отсюда выбираться. И так много времени потеряла. Если останусь, ещё больше упусти.

Восемнадцать.

Пора принимать взрослые решения.

Только бы дождаться экзаменов, показаться в школе пару раз, сдать всё и уехать. Уехать. Уехать. Уехать подальше.

И теперь почти каждую ночь мне снится отработанная в прошлых попытках бежать из города схема: все необходимые вещи собираются за 15 минут, закрывается дверь, курс на... Пошутила бы про безработную девочку и трассу, но я всего лишь пошла бы ловить попутку до первого попавшегося большого города.

Боялась потому, что раньше не принимала таких серьёзных решений.

Радовалась по той же причине.

Почти пять месяцев гадала, что это будет за город, так как пообещала не мешать судьбе, чтобы та имела возможность забросить меня подальше.

Но жизнь умеет удивить, даже если у Тебя очень смелые планы.

На развязке под Новосибирском я запуталась с картой и вышла не на ту сторону дороги, потому и уехала куда-то на запад, миновав единственный мегаполис в округе. Сейчас

я вспоминаю и смеюсь: не понимаю, как так можно было легко относиться к своему будущему.

— Тебе куда? — спросила женщина с высветленными волосами по плечи и добрым лицом, выглянувшая из открывшейся двери большегруза. Я раньше думала, что дальнбойщиками только мужчины работают, и мне стало интересно.

— Да куда довезёте.

— Могу до Омска.

Тут я и сообразила, что стояла не там, где нужно. Но очень уж хотелось разговора с такой необычной персоной: в восемнадцать лет мне очень импонировали идеи феминизма. Вот я и оправдала своё решение тем, что чем дальше я уеду из родных краёв, тем будет лучше.

– Да, давайте, – ответила я и забралась в машину.

Разговор по дороге получился неплохой. Всегда приятно общаться с волевыми людьми, которые в один прекрасный день взяли жизнь в свои руки и пошли бороздить всё, что другие называют проблемами. Я почти всё время слушала и думала: круто, я ведь сейчас на первой ступени к такому

же...

Дальнобойщица Лена Ермакова — замечательная, всем рекомендую. Прощаясь, мы смеялись над тем, почему водителям в «Убере»¹ можно поставить пять звёзд, а дальнобойам — нет. А вот в Омске мне оставаться не захотелось. Грустный город. Как и почти все населенные пункты в Сибири.

Юное глупое сердце заболело о том, что, быть может, мне суждено было доехать до Москвы в поисках пристанища, и я уже без особой надежды села в следующую машину и почти сразу уснула.

Водитель разбудил меня через семь часов, на самом рассвете в черте незнакомого города, который у меня сразу где-то откликнулся, и я поняла, что всё это время держала путь именно сюда.

Тем самым городом оказалась Тюмень».

Сентябрь

¹ Uber — международная публичная компания из Сан-Франциско, создавшая одноимённое мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси.

И опять проснулся. Чёрт. Всегда так: насмотришься диких кошмаров, пробуждаешься и даже если хочешь, не можешь заснуть. Тело порой страшится больше разума. «Ненавижу, ненавижу» – повторял про себя Влас. Да, имя у него не из нашей эпохи, и очень забавно совпало, что он большую часть своей жизни до переезда в Россию жил в Киеве. На самом деле, это долгая интересная история, сейчас расскажу.

Это у него не проходит с семи лет, вроде бы пора уже смириться, но почему-то Влас всё равно одинаково сильно злится каждый раз, когда кошмары снова появляются. Проблемы со сном – отстой. Жопа ещё более глубокая, чем можно представить себе. Взгляд, брошенный на часы, не улучшил его настрой. Будильник был заведён на восемь, а сейчас – полседьмого. Не зная, чем ещё себя занять, Влас вышел на пробежку. Утренняя прохлада первого дня сентября. Нужна куртка. Ему пророчили первые университетские годы особенными, но пока что ничего такого не чувствовалось, даже предвкушения. Он бежал, пытаясь выстроить свой маршрут по наименее знакомым улицам, дворам и кварталам, но город был слишком мал для этой затеи. За четыре месяца пребывания здесь он стал тошнотворно знаком с каждым переулком, каждым уголком. Как вообще это работает?

За полтора квартала до общежития технического университета Власа догнал Валера Красников – неплохой знакомый

с подкурсов, с которым они иногда пересекались на матчах по футболу и тусовках. Он бегает каждое утро, не по настроению, не то что Влас.

– Здорова, Влас. Ну что, куда взяли?

– На пед, куда ж ещё?

– А что за направление?

– Будешь смеяться. Физическая культура.

– Да ладно. Всяк менее напряжно, чем у меня.

– А у тебя что?

– Физмат.

– Неплохо.

– Кстати, Лёня Дружаев, если помнишь такого, мы у него в прошлом месяце киноночь устраивали, тоже на физрука учится, только на втором курсе. Круто, будет тебе материалы подгонять, сможешь на лекции не ходить.

– А чё, так можно разве?

– Говорят да. Хотя лучше у него самого уточни. Ладно, братишка, мне туда, – Красников указал на переулок, ведущий к школьному стадиону.

– Ладно, удачи.

Валера свернул, а Влас побежал дальше один. Он любил проводить время в компании самого себя. В большинстве случаев для него это было лучше, чем общение, особенно если сравнивать с общением с девками. Чужды были ему все эти сайты знакомств, поиски подружек. Человек – целое. Не нужны ему никакие половинки. «Не люблю. Не люблю и не понимаю», – вот что думал Влас на этот счёт. Зачем пытаться найти в других качества, которых нам недостаёт, если можно просто напрямч волю и жопу и выработать их самому?

Вернулся домой, смастерил себе омлет из трёх яиц с помидорами, сварил гречку, пнул соседа по комнате, чтобы он проснулся наконец после десятого будильника. Наверное, пендаль Власа действительно волшебный, ибо Валю ничто другое не могло разбудить. Из-за стены слышались голоса обитателя следующей комнаты – Стаса и ещё одного соседа – Егора. Кореша, часто тусуются вместе. В целом они неплохие ребята, но Власа Егор иногда бесил настойчивыми попытками занять денег у всех и вся, но это был единственный

предмет конфликтов с ним, и то несерьёзных.

Забавно: комнаты находятся рядом, и Влас через стенку слышал всё, что у них происходит, а в обратную сторону это не работает.

Общага просыпается. На сорок минут раньше первой пары, на полтора часа позже Власа. Он маялся, не зная, чем себя занять в оставшееся время перед началом занятий. Закинув руки за голову, Влас смотрел в потолок, потом – в небо того же сероватого цвета, кусочек которого был виден за окном, потом – снова в потолок. Ожиданий от первого дня в университете не было никаких. Ещё он не знал, как проходят занятия, и на всякий случай решил не опаздывать. Главный корпус университета глядел в его окно. Ни надежд, ни страхов – он вышел.

На входе возле турникетов охранник начал быковать за неработающий электронный пропуск, мол, иди возвращайся домой за студенческим билетом, чтобы подтвердить личность, да только Влас его послал, выдернул свою руку из клешни, которой охранник его схватил, и пошёл дальше по территории университета, сдержав мимолётное, но жутко острое желание врезать ему. «Дебил, – подумал Влас. – полтора месяца без пропуска мимо него ходил, а тут второго сентября его вдруг осенило».

Ещё вчера должны были состояться какие-то сборы, на неофициальной части которых у нас было бы время познакомиться со своим курсом, но их отменили из-за проливного дождя с мелким градом. Даже если бы сие мероприятие состоялось, Влас вряд ли бы пошёл.

Посмотрел расписание. Поднялся на четвёртый этаж, нашёл нужную кафедру. Первым человеком, которого Влас увидел там, был Дима Христофоров – парень, заговоривший с ним ещё в очередь в приёмную комиссию, с которым он виделся мельком ещё пару раз, и ныне – староста группы. По первому впечатлению неплохой тип. По второму – лентяй девяностого уровня, так что старостой его назначили зря. Пока не пнёшь – не пошевелится, да и если пошевелится – глаза закатит. А ещё он дикий Казанова. Да, девчонки по нему просто слюной обливаются. Высокий, светловолосый, с чувством юмора, слегка слащав и в здоровой мере безразличен ко всему, что может быть серьёзным, но в то же время невооруженным глазом заметно: он любит девичье внимание. Человек-ветер, с которым предельно легко общаться.

– О, привет Влас. Меня старостой назначили, слышал?

– Знаю, знаю. Здорово.

– Прошёл на бюджет, как хотел?

– Ага, – он задумался, рассматривая других первокурсников за плечом Христофорова.

Началась лекция. Влас сел на последний ряд и больше наблюдал за студентами, чем слушал. Седой дед в пиджаке рассказывал основы психологии, что ещё меньше располагало его слушать, но создавало неплохой фон для разглядывания незнакомых людей.

Влас знал, что этот внезапно возникший интерес – лишь временное явление. На следующий же день наступит привычное безразличие к окружающим, и тут уж ничего не поделаешь. К такой форме стремилось существование Власа. Таким он был.

Ребята, переговаривавшиеся рядом, обронили пару слов о том, что на лекции сидят студенты ещё двух направлений: лингвисты и обществоведы. Влас присмотрелся. И правда, набор на физическую культуру был намного меньше. От скуки начал предполагать, кто из них будет учиться с ним. Не то чтобы Власа волновало, просто дед в пиджаке затянул какое-то слишком муторное объяснение.

Тощий мальчуня в футболке с руками как у барышни – с

первого взгляда нет. Девчонка в длинной серой юбке и широкой кофте с первого ряда? Нет. Ещё одна рядом с ней, кудрявая, с большим вырезом на спине – тоже вряд ли. Вон тот малый в очках с портфельчиком на столе – точно нет. Как блин выглядят физруки в этом вузе?!

—

Уже со второго учебного дня начали всплывать организационные моменты, о которых никто никого не предупреждал, но за их невыполнение деканат нещадно грозил отчислением первокурсников. Так, сидя в огромной очереди то на флюорографию, то на получение читательского билета, Влас невольно заобщался со старостой своей группы. Вообще-то, Дима был не очень близок ему по духу, но это был единственный человек в группе, которого Влас знал раньше, и где-то в толпе около студенческого бюро, ожидая выдачи новеньких зачётных книжек, эти два непохожих первокурсника дошли от формального «привет, как дела?» до почти дружеского «не хочешь с нами в бирпонг² на выходных?»

Дима был местным. Только пташке исполнилось восемнадцать, как обеспеченные родители выпустили дитё на волю, а точнее – в съемную однушку на окраине города рядом с об-

² Бирпонг (от англ. beer – «пиво») – алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для настольного тенниса (пинг-понга) через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

ветшалым заводом, о котором никто не знает даже, работает он или нет. Квартира была минималистичная, но достаточно уютная. Большой тёмно-синий диван, пепельница на столе вместо более привычной банки для окурков, нет учебников на столе и фотографий на стенах, есть маленькая лоджия с окнами в пол.

С тех пор Влас часто бывал у Димы дома. Не то чтобы компания была по вкусу (по сути ему было всё равно, с кем пить), да и состав тусовки был непостоянным. Люди менялись чаще, чем Влас успевал с ними заобщаться (вернее даже не пытался). Девушек он априори не запоминал, а из ребят в памяти отложились только те, кто сам заговорил с ним. Первым был Красников Валера – простой открытый парень из области, будто сошедший со строчек песен Макса Коржа. Влас помнил его ещё с подкурсов, вторым – второкурсник в модных очках с толстой блестящей оправой, который представился как Лепс. Он спросил что-то о преподавателях, отпустил пару наставлений (обычно Власа такое раздражало, но Лепс не показался ему ни умником, ни высокомерным, да и слушать его выжимку университетского опыта было даже местами интересно). Несмотря на то, что несменяемым местом всех их встреч была однушка Димы, Лепс всегда вёл себя так, будто на нём держится вся тусовка. И, удивительно, но роль хозяина всея мира ему шла.

Иногда на регулярных тусовках у Христофорова появлялись и совсем неожиданные люди – например, сосед Власа Егор и даже другой сосед – Валя, которого Влас откровенно считал тормозом, пока они вместе не выпили и не разговорились, но неизменно каждый раз собирались четыре человека, которым, видно, суждено было стать друзьями:

Дима Христофоров

Лепс

Валера Красников

и сам Влас.

—

Первый коллоквиум. Первое небольшое испытание в студенческой жизни Власа, которое он, кстати, выполнил весьма неплохо. У остальных одногруппников тоже не возникло особых проблем. Последним из кабинета вышел самый крупный, но далеко не самый глупый из них – Юрченко Вова.

– Сдал?

– Да. Чёрт, думал, она специально самые дурацкие вопросы из списка задавала.

– Бесячая баба, – поддержал Дима. – Почему все женщины в этом универе так косят под феминисток?

– Не знаю, Хрис. – ответил ещё один парень, имя которого Влас постоянно забывал. – Пошли лучше отметим эту победу.

Не прошло и часа после окончания занятий, а Христофоров уже хлестал водку из горла дома у одногруппника Макса. Сначала коллоквиум по основам физиологии казался притянутым за уши поводом покутить, но чем больше доставали вина из домашних запасов, тем сильнее ребята верили в то, что сдать его было подвигом. Дух первой коллективной победы заставил восьмерых студентов почувствовать себя пирующими викингками. Даже нелёгкий на подъём Влас развесялился, пусть и музыка, которую ребята ставили, совершенно не нравилась ему.

Спустя полторы банки тёмного пива Влас вспомнил, что с учётом разницы во времени, в Киеве уже полночь и решил написать поздравление с днём рождения школьному другу Артуру, вместе с которым они перед выпускным сняли с петель дверь в кабинете завуча. Где-то с двадцать минут он пытался выдавить из себя благодарности и пожелания к совершеннолетию, но получалось что-то больше похожее на хре-

новое признание в любви, так что он оставил свои страдания до завтра и решил сегодня больше не пить.

– Итак, га-аспада! – заплетающимся языком проговорил стокилограммовый шкаф Лёня. – Пора бы и честь знать, да по домам расходиться.

– Разъезжаться, ты хотел сказать? – усмехнулся Христов.

– А кто на машине?

– Да Вася вот.

– Не-е-е, его мы таким за руль не посадим.

– Так, кто у нас тут самый трезвый?

Влас впоследствии часто вспоминал тот вечер и ругал себя за то, что решил сесть за руль, но тогда пиво снизило его способности к адекватному оцениванию ситуации, добавило слабоумной самоуверенности, и уже через пятнадцать минут восемь пьяных студентов кучей ввалились в синюю девятку, припаркованную у подъезда.

Всё в этом мире стремится к завершению. Ноги – к дороге, бутылка – к опустошению. Да, одной допитой за соседской бутылки невкусного пива хватило молодой, неприученной печени для того, чтобы девочка опьянела. Взглянула в зеркало – нет, ничуть не похорошела. Расстроилась. Надела свитер поверх теплой рубашки, потому что на новую осеннюю куртку нужно ещё заработать, а старая такая страшно застиранная, что носить стыдно.

Сентябрьская истома выгнала девочку на улицу подышать прохладным воздухом, побродить по пустынным дорожкам. Уже больше полуночи? Давно. Скоро рассветёт. Ни души на улицах. Только шорох и гул оставшегося позади центра. На границе заброшенной промзоны и дремлющего спального района девчонка устала. На самом деле устала она ещё давно, ещё когда закончились слёзы о смерти родителей. Теперь она знала, как ужиться с этим, но до сих пор понятия не имела, как можно спокойно пройти мимо такого красивого ночного неба. «Ого, какие звёзды». Пьяной девочке кажется, что они размером с кулак. Вытянула руку, проверила. Нет, всё же чуть меньше. Поплакала от того, какие они прекрасные (ну можно же, пока никто не видит?), присела. Успокоилась.

Ого, а земля, ещё прогретая, не успела остыть после душевного сибирского лета. Девочка откинулась назад, опершись на локти, глядя вверх, чтобы слёзы не выкатывались из глаз, но притом боясь вновь расплакаться от такой красоты.

Тишина и фонарики звёзд. Вот бы одна упала, она загадала, чтобы все в мире были счастливы. Одиноки и грустяще-счастливы, как она сама сейчас. Вот бы ещё фонари не мешали, млечный путь бы увидела, наверное, а то светят всё сильнее.

Блять, это не фонари!!

Девочка пулей рванула с дороги на обочину. Ноги сверхбыстрым бегом еле унесли её от беды. Сине́й полуразваленной девятки. На зрении ещё несколько секунд отпечатались два прямоугольных следа от фар. Сквозь них девчонка, растянувшись на обочине, не в силах пока встать после того, как споткнулась, краем глаз пыталась оценить целостность свежённых коленей и ладошек. Ещё секунда – мгновение осознания того, что ничего не повреждено и тут услышала слова:

– Ёб твою мать, что ты творишь?

Из машины высыпало пятеро. Девчонка не запомнила всех. Был светло-русый, с причёской аля «не хожу к парикмахеру три года», один в косухе и очках в толстой чёрной оправе. Ещё один короткостриженный с щетиной, остальные в памяти не отпечатались.

– Ну чё, Лепс, жива?

Парень в очках посветил на лицо Вари фонариком от телефона. Ярко. Она моргнула и зажмурилась.

– Жива, жива.

Один из парней, склонившихся над девчонкой, раздражённо плюнул в сторону и пошёл к машине. С отросшими волосами махнул рукой и последовал за ним, короткостриженный с щетиной начал кричать. Возможно, он ругался и до этого момента, девчонка была немного в шоке от ситуации и не запомнила.

– Тебе жить надоело или что?

Варя не нашлась, что ответить. Да, ей действительно надоело жить в восемнадцать лет. Она хотела попросить прощения за сложившуюся ситуацию, но тут короткостриженный начал откровенно грубить, и желание извиняться мгновенно

отпало:

– Ладно ты самоубилась бы, одной умственной отсталой стало бы в мире меньше, а срок сидеть мне потом пришлось бы. Ты в курсе, что...

– Я не пыталась покончить с собой.

Парень повернулся к машине и крикнул:

– Ребят, ура, она не немая. А нахер на дороге тогда валяться?

– А тебе нахер с выключенным дальним светом ездить? – огрызнулась девчонка.

– Ёб твою мать, ты ещё и умничать пытаешься? Так крепко об обочину стукнулась?

– А может ты просто не знаешь, что такое дальний свет? – всё не унималась Варя. – У тебя вообще права есть?

– Руки от земли отряхни, а потом уже размахивать ими будешь. А лучше сразу иди проверься у психиатра.

И тут девчонку окончательно сорвало:

– Сам иди к психиатру, мразина! Ты только что чуть меня не сбил, меня трясёт до сих пор, а он советы тут раздаёт, блять.

Короткостриженный сжал кулаки. Из-под куртки стало видно, как поднялась его грудная клетка от шумного вдоха.

– Следи за языком. Тебе повезло, что я девушек не бью.

– Кретин, если б ты сам за словами следил, мы бы давно уже всё решили и разошлись.

– Дура, – отрезал парень и направился к машине. – Мне с тобой больше не о чем разговаривать.

– Когда-нибудь тебе втащат за то, как ты с людьми разговариваешь, – выкрикнула девчонка вслед и зашагала в противоположную сторону.

«Придурок. Просто дикий хам», – плевалась остатками возмущения Варя, отряхивая с грязного свитера кусочки сухой земли по дороге домой.

«Тупая девка. Прилегла она ночью на дорогу блин. Это ж что вместо мозгов должно быть...»

После этого случая у Власа включилось какое-то лютое отрицание алкоголя. Хоть он и был почти совсем трезв, не хотел ни коим образом приближать себя к такому состоянию, как у неё.

Отрешённости его хватило ровно до того момента, когда ребята, решившиеся остаться у Макса, вернулись и начали смотреть кино с длинным названием про три рекламных щита³. Классный фильм. Власу понравился. «Жаль, в жизни таких волевых баб чаще перевоспитывают ещё в школе, перемальывают зачатки характера. А ведь хорошо было бы общаться с девчонками, в которых прежде всего сквозит человек, а потом уже вся эта жеманная девичья природа». Правда, Влас не был уверен в том, что такое сочетание качеств существует за пределами его фантазии.

Кстати, Влас вспомнил, что видел сегодняшнюю дуру, чуть не попавшую под колёса, раньше. В день, когда он хо-

³ Имеется ввиду «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» (англ. Three Billboards Outside Ebbing, Missouri) – британско-американский фильм режиссёра Мартина Макдонаха, вышедший на экраны в 2017 году, выигравший 4 премии «Золотой глобус» и 2 премии «Оскар».

дил в центр поддержки мигрантов за справкой для общаги. Та девка тащила ко входу огромный пакет, чуть ли не больше её самой.

– Тебе помочь? – предложил Влас.

– Не, спасибо, он не тяжелый.

– А что это?

– Вещи нуждающимся.

На этом их краткий диалог закончился.

Ещё ребята, обсуждая случившееся в тот вечер, почему-то звали эту девку Чернухой. «Ладно, дура дурой, значит и думать о ней не нужно», – рассудил Влас и снова сосредоточил внимание на фильме.

Его сосед Егор, открывая вино, случайно проткнул штопором надувной матрас, который притащил Ваня Новиков. Влас понятия не имел, как дурак-сосед так умудрился, сам он в тот момент курил на балконе, но вся суть события была в том, что даже при большом желании уместиться всем на одном раскладном диване, троим пришлось бы спать на полу. И Влас оказался в их числе. Впервые он ночевал, доволь-

ствуясь подушкой, пледом и ковриком из «Икеи». Спасибо, Егор, ничего не скажешь.

На самом же деле всё было не так плохо, как можно подумывать, особенно если спать на спине. В восемнадцать лет нет времени искать комфорт.

—

В пятницу после пар было посвящение в студенты. В этом году с ним немного затянули, но даже если бы мероприятие прошло как всегда в начале сентября, Власу всё равно не очень хотелось бы на него идти. Он бы и не пошёл, если б ему не стало жаль тщетных попыток его нового товарища-старосты собрать всех в кучу. У Димы это получалось из рук вон плохо, лидерскими качествами он не обладал, и вообще казалось, что замдекана назначила Христофорова старостой только для того, чтобы он скорее интегрировался в коллективе непохожих на него ребят-спортсменов. Ну а может он просто запудрил ей мозги. Девушки были падки на его обаяние.

Власу было не очень понятно, почему Хрис выбрал именно эту специальность. Она ведь была ему ни к лицу, ни к душе. И по дороге в рошу, в которой должно было пройти посвящение, он спросил Диму об этом.

– Корочка нужна, – ответил тот. – Так-то я всё ещё не

очень хорошо представляю себе, чем хочу заниматься всю дальнейшую жизнь.

Они прошли мимо кучки студентов, пытавшихся всей группой уместиться на одном квадратном метре. Внешне это напоминало какой-то продвинутый тренинг по тактильной йоге.

– Кажется, мы уже недалеко, – сказал Дима, махнул рукой и повёл восьмерых пришедших из нашей группы ребят за собой. Дойдя до главного входа в лесопарк, они получили от старшекурсников маршрутный лист квеста с напутствиями, полными глупого энтузиазма и направились на первую станцию.

– Здесь написано, что мы теперь команда, и нам нужно название.

– Ну давайте думать, – сказал какой-то высокий парень с раскачанными плечами.

И был бы этот квест ничем не примечателен, если бы на одну из станций они не попали вместе с группой с факультета филологии и журналистики. Едва лишь узрев эту кучку длинноногих девок, одnogруппники Власа активизировались: послышались присвистывания и фразы вроде «ничего

такой бампер у той». Сам же Влас воспротивился: «Дурачье, такое внимание каким-то девкам».

Ведущий в зеленой волонтерской толстовке громким голосом поприветствовал всех, раздал присутствующим карандаши и листы бумаги и начал объяснять правила:

– Моя игра называется «минутка знакомств». Нарисуйте на листе часы и разделите циферблат на четыре части. Вот так. Да. На каждую четверть будет приходиться по пятнадцать секунд, за которые вы находите в толпе человека и узнаете три факта о нём. Можно записывать их на делениях циферблата, а можно просто запоминать, но в конце вы всё равно расскажете, с кем познакомились. Всем понятно? – И после одобрительных кивков сделал отмашку: – Поехали!

И все вокруг забегали, засуетились. Влас остался растерянно стоять среди толпы, но к нему тут же подлетела одна девочка, затем вторая, третья... «Я не пользуюсь тоналкой», «Я слушаю Егора Крида», «Я обожаю азиатские телешоу»... Всё, что они говорили, казалось Власу в высшей степени бестолковым. В разговоре с третьей девочкой он смог подобрать факты, характеризующие его плюс-минус точно:

«Я родился в Одессе, но жил почти всю жизнь в Киеве».

«Я люблю драться».

«Жесть как хочу жареной рыбы сейчас».

Девчонка с ровно состриженными по плечи русыми волосами от последней фразы рассмеялась, рассказала о себе очередную бесполезную херню, которую понадобилось записать, иначе точно забылось бы. На циферблате Власа оставалась одна пустая четверть, и он уже решил, что не будет бедой, если она останется незаполненной, но тут прямо перед его лицом откуда ни возьмись возникла еще одна вроде симпатичная девчонка, и он по инерции поздоровался и приготовился записывать факты. Они уже заговорили друг с другом, когда Влас понял, что это – та самая тупая девка, которая на прошлых выходных бросилась под машину, когда он был за рулём. Видно было, что она тоже не сразу его узнала. А когда узнала – смутилась встрече, но продолжила говорить:

– Меня зовут Варя. Я люблю готовить и есть рыбу, а мои соседки по комнате просто вешаются от запаха жареной форели.

«Ещё чего, повторять она надумала», – с раздражением подумал Влас и подытожил:

– Даже если опустить то, что второй факты ты просто подслушала и спиздила, всё равно ты играешь не по правилам. Третий факт ведь не про тебя.

Варя вспыхнула от возмущения:

– Откуда же я его по-твоему, взяла?

Влас промолчал. Она, наверняка, играла, а он не хотел подыгрывать. Варин вопросительный взгляд не исчез. Влас уже успел подумать, что сейчас она оскорбится и уйдёт, но, видимо, Варя решила уступить:

– Ладно, будет тебе честный третий факт. Ммм... – она на секунду задумалась. – Не знаю, у меня жизнь скучная. Даже сны интереснее.

Власу же никогда ничего хорошего не снилось, потому он просто не поверил:

– И что может настолько занятного сниться?

– Да разное. Позавчера были Боги в коммунальной квартире. Иной раз вообще снится нечто в духе фильмов Линча.

Только Влас поверил, заинтересовался, только захотел

ещё спросить, как ведущий громко оповестил всех студентов о том, что время закончилось. Он расставил всех в один большой круг человек из сорока и теперь каждый участник рассказывал по три факта о своих новых знакомых. Но Влас не слушал. Теперь к нему почему-то пришла уверенность в том, что Варя не подслушала про рыбу. Думая обо всех этих совпадениях и о том, как она ещё чуть не попала под колёса, он решил, что всё это – только случайности, и что она вроде не дуручка, потому как не болтливая. И когда не орёт, у неё даже приятный голос.

Одногруппники Власа, выкупанные в женском внимании как коты в валерианке, довольные под предводительством уже начавшего приживаться в коллективе старосты пошли дальше, на следующие станции квеста.

«Надо бы найти эту девку и ещё пообщаться», – думал он.

Влас проснулся. Его насторожило не столько то, что ему приснились близкие отношения с Чернухой, сколько то, что его голову вообще какого-то чёрта занимает эта девчонка.

– Влас, всё окей? – спросил Валя с соседней кровати.

– Тупые девки, – промычал тот и, перевернулся на другой бок, натянув одеяло.

В субботу Влас пришёл с пятой пары и упал в кровать. Прежде у него были проблемы со сном, но потом появились дневные-ночные тусовки, появились долги по учёбе, и совокупность этой университетской мешанины приучила Власа хвататься за каждую свободную минуту, чтобы пообниматься с матрасом. Ну или покушать. Казалось, желание съесть всю столовку вместе с поварами не проходило с начала дня и до конца занятий. А после его сменяло необязательное, но такое тягучие хотение выпить пива.

Прошло всего две недели учёбы, а казалось, будто минул год.

Двухэтажный дом – лабиринт для пьяного, но Власа после четвёртой стопки Ягермейстера это не остановило. Покачиваясь, он героически преодолел самое сложное на этом пути – лестницу, держа в руках бутылку вина и далее не придумал ничего лучше, чем проверить, чем занимаются люди на втором этаже. Да, это была та самая стадия пьянки, когда пробивает на разговоры по душам, но чёрт. В первой комнате он чуть не оторвал от важного дела Христофорова с какой-то

рыженькой девочкой, вторая была пуста, третья – закрыта. Что за напасть? В четвёртой на кровати валялась девка, которую я помнил ещё с подкурсов, но имя её забыл. Влас думал, она ждёт кого-то, и её томный нимфоманистый взгляд подтвердил догадки, но присоединиться к ней у Власа не было никакого желания, потому он поспешно закрыл дверь.

Следующей оказалась ванная. Хорошо, самое время освежиться. Размашистым движением Влас плеснул воды на лицо, потёр волосы и шею, немного попил из крана.

– Вот это выдра к нам пожаловала, – послышалось за его спиной.

Влас обернулся. Прямо в ванной сидела та самая девчонка, которая чуть не попала под машину и встретила его на посвящении в студенты – Варя. Из-под серого свитера торчали чёрные треугольники воротника рубашки. Носок на ней не было – босые ноги.

– Что ты тут делаешь?

Она подняла банку пива и кивнула.

– Пью за здоровье жертв ДТП.

Влас усмехнулся и предложил ей свою бутылку.

– Будешь?

– Спасибо, не люблю вино.

– А похожа на винишко-тян⁴.

– Не выделывайся. Залезай.

И она поджала ноги, освободив Власу место.

– Ты что, совсем вино не пьёшь? – поинтересовался он, забираясь в ванную. Лишь бы о чём, дабы занять мозг, чтобы расшевелился.

– Да просто не нравится.

Голова всё тяжелела и тяжелела. Влас склонил её к стене.

– А что именно не нравится?

⁴ Винишко тян (от японского суффикса –тян – «девушка»). В 2015-2020 годах на просторах интернета так называли девушек, которые пытаются казаться глубокомысленными и начитанными, восхваляют вино как культ, пытаются выделиться, но на самом же деле выглядят шаблонно (похожие стрижки-каре и одежда) и читают книги одних и тех же авторов (Ницше, Кафка, Бродский).

– Что за подкаты на уровне школьника? – саркастично прищурилась Варя.

На секунду Влас подумал о том, что неплохо было бы забить на все психозы, которые он видел в её исполнении две недели назад, включить воду, залить одежду и начать целовать девчонку, переведя попросту вино, расплескав его по всей ванной. Красивым был бы конец ночи, но что-то его останавливало. То ли не хотелось идти у этой девки на поводу, то ли на миг она показалась Власу смышлёной.

– Да хорошо острить, я тебя, может, как человека узнать пытаюсь.

– Ага, в позапрошлую субботу ты из меня тоже человечность выбить хотел? – съязвила та. Видно было, что она уже выпила.

Обычно за такие слова Влас предпочитал бить ногами, но эта девка так забавно их произнесла, без капли зла, так иронично, что он захохотал. Она сначала издала короткий смешок, но после – не сдержалась и подхватила мою волну.

Едва отдышавшись, она снова рассмеялась, услышав, что я родился в Крыжополе.

– Блин, ты серьёзно? Как же тебя в Тюмень занесло?

– Хотел подальше от дома уехать. В Сибири природа нравилась. Вроде как Тюмень один из более комфортных городов для жизни здесь, да и здесь подкурсы бесплатные были. В Екатеринбург или Новосибирск всё равно бы по конкурсу не прошёл.

– А как же семья?

– Семья в Киеве сейчас. Мы туда переехали после рождения младшей сестры. А ты здесь с родителями?

– Нет, – Варя опустила глаза. – Я тоже иногородняя.

– А откуда?

– С Алтая. Барнаул, если знаешь, где это.

– Да вроде представляю себе. А как сюда попала?

– Автостопом, – ответила Варя.

– Ого, а Ты смелая... – да-а, другие представления у Власа были об этой барышне. – Долго добиралась?

– Почти двое суток.

– Нехило, – на автопилоте хлебнул из бутылки. – А до этого часто автостопом ездила?

– Да не особо. – Она высунулась из ванной и поставила пустую бутылку пива на пол. – И не на такие расстояния. В Новосибирск максимум.

– А хотела бы? – Влас сделал ещё один глоток.

– Конечно. Кайф на Дальний Восток сгонять, – и мягким движением рук она вынула из рук Власа вино, чем вызвала у него улыбку.

– Ты же говорила, что не пьёшь вино.

– Я много чего не пью, пока трезвая, – усмехнулась Варя с долей самоиронии в голосе и подняла бутылку повыше.

– Ну что, за путешествия к морю? – предложил Влас.

– Я его никогда не видела, но пусть будет так.

Влас отпил глоток и вернул вино обратно к Варе.

– Кого не видела? Море?

– Да, так сложилось. Семья не особо богатая была.

– Была? – переспросила Влас.

Варя, прилично отхлебнув вина, поморщилась.

– Хотя после знакомства с автостопом я и поняла, что не нужно много денег для того, чтобы путешествовать.

– Да я верю, – Власу почему-то захотелось улыбнуться. С ничего, просто так.

Вино заканчивалось, начинались философствования:

– Все мои взаимоотношения с людьми – это относительно равный баланс между доверием и уважением, – рассказывала Варя. – От второго понятия большинство отдаляется, поэтому общение не идёт дальше определённого предела. Поэтому у меня немного друзей...

Они просто сидели в ванной, передавали друг другу бутылку, которая вот-вот опустеет, и разговаривали. Обоим было интересно, и Влас мысленно поблагодарил хозяев дома за то, что построили на этаже два санузла, и никто их дво-

их не отвлекал от беседы. Влас с Варей не флиртовал, она с ним – тем более. Смех ситуация была бы, если б начали, но почему-то спустя время (никто не помнит, сколько прошло, часа два или три) они начали целоваться. Губы сохраняли вкус вина и ржаного хлеба. «Последнее от пива», – думал Влас. Варя стащила с себя свитер и убрала куда-то за пределы ванны, и Влас уже думал остановить её, мол, стой, не хочу тебя трахать сегодня. И в другой день и вообще ты испортила неплохой разговор блин. Но Чернуха ему такого шанса не предоставила: дальше рубашки одежду она с себя не снимала.

– Жесть, как жарит тут, – она указала на батарею за ванной. – Мне б домой такое отопление.

Влас мысленно обрадовался тому, что Варя его догадки подтвердила, включил спокойные биты с телефона, и они продолжили болтать. Иногда ему казалось, что Чернуха откуда-то умеет читать мысли. Это и пугало немного, и оттого же Варя исправила свою репутацию психозной девки на статус славной, понимающей девушки.

Эх-х, какая же это всё-таки приятная иллюзия счастья. Не хотелось трезветь. Не хотелось вылезать из ванной. Поэтому они так и уснули: поджав ноги, ближе друг к другу ступнями, а лицами – врозь. Обычно пьяным где угодно хорошо спится,

но в ту ночь Влас пробуждался несколько раз за ночь: первый – оттого, что нечаянно включил воду, неловко повернувшись во сне. Не вылезая из ванной, он снял промокшую футболку и стащил с крючка три больших полотенца: одним обмотался сам, другим укрыл девчонку, третьим обернул ноги ей и себе, чтоб не замёрзли. Второй раз Влас проснулся оттого, что Чернуха снесла что-то с полки, надевая длинный свитер поверх белья и развешивая мокрые вещи сушиться. Фигуру её более чем наполовину закрывала шторка, да и сквозь сон не было желания разглядывать. Сквозь маленькое окошко бился первый отсвет утра.

На третий раз он еле открыл глаза и то только для того, чтобы доползти до более-менее свободной кровати. Вари уже не было. В соседней комнате спал Лепс в окружении двух девок. На ковре спала ещё одна. Влас подвинул троих и лёг. Одна начала приставать, водя рукой по прессу Власа, но он повернулся на другой бок, спиной к ней со словами: «Спи уже давай».

Закрывая глаза, Влас поймал боковым зрением пролёгшую через всю комнату розовую полосу рассвета, прокраившуюся в комнату через щель между гардинами. Утро воскресенья не торопило его.

После этого разговора в ванной Влас начал воспринимать

Чернуху немного иначе. Всё же не такая она глупая девка. И прозвище ей совершенно не идёт, кто его вообще придумал? И за что? За глаза? Она, в отличии от других, не пытается казаться сложной. Простая, честная, прозрачная, как кубик льда в графине воды, из которого Влас сейчас будет запивать таблеточку от похмелья. Да, не выпей он столько, вряд ли бы задумался о том, какой Варя совершенный филантроп и всё такое. Такая вот она, Варя. Контрастирует с его привычным пониманием (а точнее непониманием) девчонок. Одновременно и интересно, и мозг в отказ уходит.

Вечером пришла зарплата из интернет-магазина автозапчастей, в котором Влас подрабатывал менеджером. Почему в воскресенье? Никто знал, но это было очень кстати – Влас пошёл в бар и заказал любимый виски, пока есть возможность. Деньги имеют свойства быстро заканчиваться даже если стараешься не тратить. На быт, на еду, на транспорт... После одного стакана захотелось ещё, но Влас взял себя в руки и, расплатившись, позвонил ребятам, чтобы они нашли ему вписку. Теперь пора пить за чужой счёт. Иначе до конца месяца не хватит. Безо всяких ожиданий и надежд на что-то интересное он забил в гугл картах⁵ незнакомый адрес. Сорок минут пешком. Нормально. Всё равно делать нечего. Влас пошёл. Город медленно ложился спать. Ночной жизни здесь

⁵ Google maps – это набор приложений, построенных на основе бесплатного картографического сервиса и технологии, предоставляемых компанией Google.

почти никакой, поэтому приходится придумывать развлечения самому. Хорошо хоть сентябрь, ещё тепло. Можно прогуляться. Подумать о чём-то своём. Например, о том, почему Влас угораздило родиться в семье, в которой тебя считают ненормальным за попытку пожить в других условиях. О том, как бесит эта морока с документами. О том, в конце концов, продержится ли он здесь хотя бы год. Да, Тюмень – не город мечты, но это был первый серьёзный выбор Власа, не хочется теперь сетовать на него.

Дверь открыл Лёня – далёкий знакомый со стороны Лепса. В квартире Влас нашёл и его самого. Едва увидев нового человека на тусовке, Лепс сделал излишне самонадеянную попытку переорать игравший в колонках трек:

– Воу, Влас, дружок!

– На лобке пушок, – негромко ухмыльнулся Влас, подойдя к нему. – Пошли выпьем.

Они достали из холодильника по пиву.

– Ну что, когда русский паспорт получишь?

– Нескоро. Всё сложнее, чем кажется.

Облокотившись на кухонный гарнитур, они сделали по глотку пива и на секунду умолкли. Можно было подумать, что Лепс не любил тишину, потому что только лишь она воцарялась, он начинал говорить абы что.

– Сегодня с таким диким сушняком проснулся. Вроде не старик же. Всего год прошёл, а уже организм тяжелее переносит попойки, чем на первом курсе.

Держа бутылку за горлышко, Влас поднёс её полупустую под свет лампы и начал рассматривать блики содержимого. И как пиво так быстро кончается?

– Неудивительно, ты ж пьёшь как скотина.

– А ты сам нет что ли? – усмехнулся Лепс.

– Ну я вроде не каждый день.

Лепс повторил моё действие с пивом. Тень зеленоватого стекла играла на холодильнике не больше трёх секунд. Далее она, как капля на окне в дождливый день, слилась с тенью Лепса и подарила ему ещё несколько глотков, после которых парня пробило на философствования:

– Знаешь, а саморазрушение захватывает.

Влас был согласен, но от таких мыслей ему становилось не по себе.

– А вот это уже, Лёх, нездоровый азарт, – ответил он и выбросил пустую бутылку.

– Хочешь сказать, что я неправ? – встрепенулся Лепс. – А кто прав? Те, кто на каждом углу кричат, что знают меру, а потом кодируются? Нет, Влас, ты либо не пьёшь вообще, либо проваливаешься в эту яму с головой.

Томная скука овевяла Власа от выслушивания этих заговоров, а на языке вертелся более важный вопрос:

– Что ты знаешь о Чернухе?

– Ты меня вообще слушаешь? О какой блин вообще Чернухе?

– Тёмненькая такая девочка, бледная. С лингвистического.

– А-а, я понял. Вообще поговаривают, что она лесба, но это неправда. Я с её бывшим как-то раз случайно затусил. Он, правда, тоже о ней не очень лестно отозвался.

Но Влас не спешил принимать всё за чистую монету.

– Нашёл кому верить.

– А она тебе что, приглянулась? – ехидно спросил Лепс.

Влас промолчал, не зная, как ответить. И не да, и не нет. В действительности ни один вариант не подходил.

Многие люди удивлялись, узнав, что Влас приехал учиться в Тюмень из такой дали. Сам же Влас удивлялся подобному решению только один раз. В четвёртой группе учился парнишка по имени Али. Физически он был арабом наполовину, но в душе – на все сто процентов. Мать Али большую часть жизни провела в Тюмени, если не считать четырнадцати лет в Кувейте, где жизнь свела её с небогатым местным, от которого она позже увезла Али в Россию.

Власу казалось, что Али учился не очень хорошо, пока во втором семестре им не поставили пару по физике в одно время. Сначала даже преподаватель подшучивал над тем, что в его понимании арабы ещё много лет назад предпочли физике Коран, но ещё менее справедливым такой юмор показался

Власу, когда он как-то раз случайно сел вместе с Али за одну парту. Оказалось, что этот парнишка быстрее всех справлялся даже со сложными задачами, но не показывал решения преподавателю. После пары Влас спросил его, почему Али скрывает свои способности, на что тот ответил совершенно неожиданными словами:

– Главно я знает, что есть умный.

Да, у него было не очень хорошо с русским, но с физикой он просто творил чудеса. Придумывал альтернативные решения задач, рисовал сумасшедшие графики с функциями, о которых Влас раньше не слышал. Конечно, ему было жаль, что талант Али остаётся незамеченным многими, а преподаватель продолжает над ним подшучивать, но Влас верил: парнишка найдёт способ рассказать миру о том, что может.

—

Влас замечал, что творится неладное, но понятие не имел, что можно с этим сделать. Когда они с Варей мельком виделись в коридорах университета, она всегда говорила «привет» и отстраняла взгляд. Первый раз, когда она так сделала, он не успел ответить, прежде чем толпа унесла девушку в сторону. Вообще Власу хотелось поговорить с ней, но он понятия не имел, о чём. Обычно всё получалось само собой, а тут – нет видимых точек соприкосновения. Но Влас хотел

найти хотя бы одну.

Где-то через четыре после того, как они целовались на тусовке, Влас собрал яйца в кулак и окликнул её, спускаясь по лестнице в вестибюль. Заслышав его, Варя повернулась на голос. На длинной льняной юбке тёмно-синего цвета пролегла косая складка, крохотный полукруг уха выглянул между двумя крупными волнами волос, флегматичный взгляд на секунду остановился на лице Власа, и тут – резкое движение кого-то в толпе – Варины глаза округлились, и Влас понял, что она падает. Их разделяло всего три или четыре ступеньки – Влас не помнил, но главное – он успел пробиться против бурлящего потока людей и поймать Варю.

Нечаянный физический контакт на трезвую голову смутил обоих, но не настолько, чтобы не получилось скрыть этого. Варя поблагодарила и сказала, что спешит.

– Четвёртая пара? – осведомился Влас, желавший хоть как-то компенсировать несостоявшуюся попытку пообщаться.

– Нет, работа. Но опаздывать я всё равно не могу.

И, оставив напоследок скромную полуулыбку, она скрылась в толпе, а Влас ещё секунду помедлил, наслаждаясь тем,

как иронично чертовка-жизнь сплела такой красивый момент: он хотел найти точку соприкосновения, а получил – целую Варю, свалившуюся к нему на руки.

И всю следующую пару он думал о том, что плечи у Вари на ощупь намного более хрупкие, чем на глаз.

После сумбурной и не очень продуктивной пары по химии Влас съел тарелку борща в столовке на первом этаже и вышел за забор покурить. Общая система, по которой работало всё в этом университете, казалась ему не до конца понятной, и сам себе Влас сейчас казался мелкой рыбёшкой, которую течение унесло в незнакомую местность.

– У тебя не будет сигареты? – слышался за спиной высокий девичий голос.

Влас обернулся и увидел кудрявую подружку Вари, с которой она сидела на лекциях. Он, чуть заторможенный и удивлённый такому стечению обстоятельств, протянул ей пачку. Девушка представилась именем Мари. «Машей не называй», – улыбаясь, добавила она.

– Я Влас.

Честно говоря, ему не очень хотелось знакомиться и вообще с кем-либо разговаривать сейчас, но это был достаточно реальный способ узнать чуть больше о Варе, и Влас немедля им воспользовался:

– Слушай, а что это за девочка, с которой ты обычно на лекциях у Дубова сидишь? Тёмненькая такая, в юбках длинных ещё ходит.

Мари заулыбалась ещё шире и хитрее.

– Варя?

– Да, она. Вы в одной группе учитесь?

Брови девушки поползли вверх в удивлении.

– Вот это... Нет, мы в разных, но живём вместе.

Влас не понял, чему так удивилась Мари, потому решил действовать по старой грубой, но проверенной схеме: плюнул на чувство такта и спросил напрямик:

– Значит у тебя есть её номер мобильного.

Тут Мари зазвенела смехом во весь голос, стуча ладонями по коленям и тряся белёсыми кудрями.

– Как бы мне сейчас не хотелось устроить подруге личную жизнь, но увы – у неё теперь нет телефона.

– Теперь – значит был?

Ну да.

– И куда она его дела?

– Да по-пьяни на крышу овощного ларька закинула.

– Воу! – Влас удивлённо усмехнулся.

– Но ты не подумай, она не мажорка. То был старенький кирпичик «Сони» с двумя нерабочими кнопками, у которого в тот день сломалась ещё одна, вот Варя и разозлилась, – прояснила ситуацию Мари.

– Ладно, может тогда в соцсетях сможешь найти её?

– Есть у меня в друзьях аккаунт с именем «Таёжный лес». Можешь добавить, но она и там редко появляется, – Мари всплеснула руками.

– Окей, как мне тогда с ней на связь выйти?

Девушка сделала лукавое лицо:

– Помоги мне донести учебники из библиотеки, тогда и поговорим об этом.

Меньше всего Влас любил, когда ему садятся на шею, но очень уж ему хотелось пообщаться с Варей не мельком в университетских коридорах и не когда она спешит. Так что он ограничился осуждающим взглядом и фразой:

– До дома нести?

– Да, это тут, недалеко...

«Ну хоть буду знать, где она живёт», – подумал Влас.

—

Всю дорогу Мари болтала, спрашивала что-то у Власа, а его односложных ответов хватало для того, чтобы она начинала снова восклицать и тараторить что-то неинформативное.

Двадцать пять минут пешком – и они у двери.

– Вот и всё, спасибо тебе большое.

– Слушай, а Вари нет дома случайно?

Мари открыла дверь ключом и крикнула внутрь:

– Ри-ит!

– А? – послышался ещё один девичий голос в ответ.

– Ты одна?

– Да.

– А Варя где?

– В библиотеку вышла.

Влас почти разозлился.

– То есть мне сейчас обратно в вуз переться?

– Нет, она в Пушкинскую ходит. Здесь, в пяти от нас.

И Влас немедля отправился туда.

Ожидая, пока старушка на входе выпишет его паспортные данные и выдаст читательский билет, Влас осматривался. Снаружи библиотека больше напоминала деревянную избушку из детских сказок, а внутри был маленький, ничем не примечательный читальный зал с книгами-ровесницами бабушки Власа. Библиотекарша неспешно заполняла какую-то пожелтевшую доисторическую карточку, Влас заскучал и достал телефон.

«Таёжный лес, – думал он. – И фотографий нет. Отчего и имя, и лицо скрывать? А вроде очень даже нестрашная...» И не слишком красивая, но почему-то Власа к ней тянуло. Он поблагодарил старуху, наконец выдавшую ему читательский, и прошёл в главный зал библиотеки.

Стен тут не было видно из-за бесконечных полок с книгами, из-за чего потолок казался низким и тяжёлым. Варя сидела у окна, рядом с огромным фикусом в горшке. Кроме неё в зале был только один человек – женщина, тоже, видимо, работавшая здесь, перебирала книги на стеллажах.

Варя заметила краем глаза новую фигуру слева, посмот-

рела на него, улыбнулась и продолжила читать.

В радиусе пяти метров от них не было людей, но, соблюдая обычаи библиотеки, Влас задал вопрос самым тихим шёпотом, на какой был способен:

– Почему тебя нет в соцсетях?

– Что-что? – переспросила Варя чуть громче, и Влас повторил те же слова своим обычным негромким тоном:

– А-а, ты про это. Да просто надоело. Захотелось найти время на что-то новое.

Влас посмотрел на край страницы. Ни названия, ни автора в колонтитуле не было.

– Что читаешь?

Варя закрыла книгу и показала Власу обложку.

– Халлдора Лакснесса.

– Не слышал о нём раньше. Интересно?

– Очень. Правда, он теперь не очень популярен, хоть и ко-

гда-то давно ему дали Нобелевскую премию за вклад в развитие исландской литературы.

– Здоровски. А отчего ты не... скачаешь её, чтобы читать дома?

Варя наконец оторвала глаза от книги и вздохнула:

– Очень жаль, но мало кому в нашей стране интересна скандинавская проза. Этой книги нет на русском в электронном виде. Нигде. Есть только совсем древний тираж, из которого один экземпляр каким-то чудом оказался в Тюмени.

– А какого года книга?

– Пятидесятого.

– Не такая уж и старая.

– Алексис Киви, которого я дочитала позавчера, был тридцать девятого.

Влас проводил взглядом выходящую из зала работницу библиотеки и тихо спросил:

– Спорим, я за пять минут найду книгу старше?

Варя удивлённо посмотрела на него. Влас уже представил себе, как она посылает его вместе со всеми инициативами, но девушка ответила ему совершенно неожиданным образом:

– Если на желание, то пять – это как-то слишком просто. Давай за три?

Влас загорелся и со всем азартом принял вызов. Он протянул Варе телефон с готовым к отсчёту таймером, и едва подушечка её пальца коснулась экранной кнопки, как он чуть ли не с низкого старта рванул к ближайшей полке. Он вытаскивал самые дряхлые книги, стараясь побыстрее посмотреть год издания и не повредить еле державшиеся на ветхих нитках переплёты.

– Осталось полминуты.

Чёрт. Всё безрезультатно. Кривые стопки проверенных книг высились на столах, а Влас по-прежнему бегал между шкапами. Может стоило найти более лёгкий способ позвать её погулять?

И вот сигнал таймера. Ничего, сейчас он придумает, как отшутиться и всё равно пригласит её куда-нибудь. Влас решительно подошёл к столу, за которым сидела Варя, и только

открыл рот, как она вымолвила:

– Давай уберём книги и пройдемся по лесопарку, пока ещё не стемнело?

Влас впервые в жизни был рад, что его так беспардонно перебили.

– Конечно, пошли.

—

Четвёртый час. День шёл на убыль, потому Влас и Варя спешили насладиться воздухом, пока солнце, и до того прятавшееся за серой завесой, не скрылось совсем. Но для Вари лес в любую погоду был хорош, потому что она привыкла к нему с детства, а для Власа – потому что он раньше не так часто видел все эти микроскопические цветы, мхи на огромных камнях и корнях деревьев, ягодный подлесок, сгущение всех оттенков зелёного, коричневого, горчичного, бордового... Так они провели там около часа почти молча, пока вечер не начал сгущать темноту над чёрными еловыми кронами. Даже те немногочисленные слова, которые Влас услышал от Вари в тот вечер, она будто бы роняла ненароком. Каждое не произносила, а именно случайно выпускала из уст. Словно молчать для неё было более привычным делом. И вообще в

этом тёмно-зелёном свитере Варя казалась Власу похожей, как бы пафосно это не звучало, на северное лето. Холодное, но оттаявшее, не привыкшее быть таким.

Если быть честным, Влас и сам не знал, о чём говорить, да и не нужно было. У них с Варей завязался какой-то странный диалог взглядами, каждый из которых имел значение, не облакаемые в речь. От холода покалывало пальцы, но Власу было стыдно за свою зимнюю куртку, и он продолжал ходить в толстовке поверх свитера.

Уходить не хотелось, но уже темнело. Выйдя к остановке, они ждали автобуса. Им подходил шестьдесят седьмой. Почти всю дорогу они тоже наслаждались тишиной и тем, что первый подъехавший автобус оказался пустым.

И вот Варя встала с места: её остановка была следующей. Влас тоже встал, хоть и выходить ему и нужно было гораздо позже.

– Как мне теперь связаться с тобой? – спросил Влас, когда водитель начал притормаживать.

– Да на лекции увидимся, наверное, – она впервые за долгое время улыбнулась и, повернувшись к открывшейся автоматической двери и, как-то кротко взглянув через плечо,

покинула автобус.

В тот вечер он задумался и проехал свою остановку.

Влас пялился в потолок и не находил себе места в комнате. Почему не темнеет, почему сон не идёт, даже когда хочется? Он чувствовал себя дитём малым, забывшим, как переключать грустные песни Земфиры на что-то другое. Вырубишь – и всё равно в голове вертится. Что ж, включаем снова.

Нет, такие состояния совсем несвойственны Власу. Так не должно быть. Уж лучше бы она была лесбиянкой, как вешали слухи. Хотя, наверное, и это бы не помешало Власу потерять голову. Ситуация кажется смертельной для всех внутренностей. Надо придумать, как жить дальше в городе, оторванном от остального Земного шара. Если бы Бог существовал, он вряд ли когда-нибудь вообще вспомнил бы о том, что есть такой населённый пункт. Холодные многоэтажные постройки второй половины прошлого века да оазис центральной улицы, вчлняющий в прямоугольные узоры города что-то помягче: три-четыре десятка дореволюционных домов, симпатичных, но грустных от своей немногочисленности. Но среди этих зданий, среди всего жилого фонда Тюмени не бы-

ло такого, куда Власу хотелось сейчас сильнее, чем к дому Вари.

Вернулся его бесячий сосед Егор, попросил занять полторы тысячи до понедельника, и Власа это окончательно вынудило надеть два свитера один поверх другого, так как нормальной осенней куртки не было, и двинуть в сторону квартала, где жила Варя.

Их разделяло восемь минут ходьбы пешком, три перекрёстка, шестнадцать жилых домов и одно здание музыкального училища. Влас помнил ещё с тех пор, как помогал нести учебники Мари, что живёт она на втором этаже и сейчас, копаясь в недрах памяти и ища там путь до лестничной клетки, пытался понять, куда выходит их балкон, если он вообще есть в этой квартире.

Влас сверлил глазами каждое окно, выходящее на видимую сторону дома, дабы встрепенулось в голове хоть маленькое воспоминание. Взгляд цеплялся за детали, мелькавшие за призмой дешевого стеклопакета: женщина на стремянке моет плитку на стенах; кот на подоконнике склонил голову набок и пристально смотрит на меня; кто-то зацепил край тяжёлой зелёной шторы и она легонько закачалась. А потом замерла. Затих дом. Остановилось время. Выдох задержался где-то внутри. На втором этаже пристройки худая паучья

рука поливала цветы из старого полурасколотого чайника. Рука, которой теперь хотелось касаться, разрывая к чертям все препятствия.

Влас, с разбегу зацепив рукой край пристройки, вскарабкался её на крышу прямо под нужное окно. Оттуда дотянуться до подоконника труда не составляло. Он выпрямился и увидел Варю. Та стояла спиной к нему, набирала ещё воды из-под крана. Власу от усталости было тяжело держаться, он из последних сил напряг руки и решил подождать, когда она снова подойдёт к окну, но Варя направилась в другую комнату, и Влас забарабанил по стеклу, лишь бы она не ушла.

Острые паучьи плечи, укрытые выцветшей тканью длинной, будто чужой футболки, дрогнули. Варя рывком развернулась а звук, расплескав половину чайника. «Ох, чёрт, надеюсь, она не обожглась», – успел подумать Влас, и тут же сообразил, что вода не горячая, раз она поливала ею цветы. «Соберись, балда», – приказал себе он.

Пока Чернуха приближалась к окну, Влас смотрел на её несовершенно красивое лицо, которое теперь казалось ещё тоньше. Она явно хотела что-то сказать (наверняка даже выругаться), но вместо этого оперлась руками на подоконник, длинно моргнула (Влас готов был поклясться, что из всех знакомых ему людей только она умела так делать), смерила

непрощенного гостя взглядом с немым подтекстом «ну что же ты творишь, Влас?» и открыла окно.

Не успел Влас перелезть через подоконник, чудом не повалив горшок с геранью, как она уже побежала чайник ставить. Как будто это обычное дело – какой-то студент залез в окно.

Обстоятельства их предыдущих коротких встреч не позволили Власу разглядеть многого: с собранными волосами у Вари были видны четыре родинки сзади на шее. «Если их соединить, получится трапеция...» – подумал Влас.

– Ну и что ты заставило Тебя в столь поздний час заглянуть ко мне без предупреждения? – саркастично спросила Варя, склонив голову в полуобороте, наливая при этом чай в большую зеленую кружку.

Влас промолчал. Он не знал. Правда, с какой стати ему на исходе вечера захотелось тут залезть в окно к какой-то девке?

– Извини, отвлек Тебя от чего-то важного?

– Нет, всего лишь приводила в порядок кухню в перерыве между античной литературой и политисторией, – улыбну-

лась она.

– Точно не мешаю?

– Точно. Тебе сахар класть?

Влас ей почему-то поверил, хотя на его опыте девчонки обычно отвечали так из вежливости. Наверное, именно такой ответ ему хотелось услышать и именно в такую правду верить.

– Да, три ложки.

Она посмотрела на меня круглыми глазами.

– Не переживай, от диабета не помру, – усмехнулся Влас.

Они взяли в руки четыре кружки и коробку молочного печенья и выдвинулись из кухни.

– Кому столько чая-то?

– Соседям. А ты думал, я одна живу?

Проходя по коридору, он взглянул на коврик у двери, беспорядочно заставленный тапочками, ботинками и сапожка-

ми. Девки, что тут добавить.

– Втроём живёте?

– Вчетвером. Лиза на работе ещё.

С одной соседкой Вари – Мари – Влас уже был знаком. Вторая – Рита – в тот момент сидела за учебниками. Услышав мужской голос, она обернулась и подняла подведенные брови поверх очков в тонкой оправе из красного пластика. На лице было написано, что она из медицинского. Лиза же, по словам Мари, была почти местной – из пригорода, но в чём-то не поладила с родителями и решила съехать в их маленькое девчачье царство. С этими словами Мари рассмеялась громко, звонко и очень высоко. Она была взбуждена появлением Власа, суетилась, показывала комнаты, фотографии на широком подоконнике, который заменял им письменный стол. Немногословная Варя на её фоне казалась оплотом спокойствия. Либо к ним молодые люди вообще нечасто приходят, либо резонанс вызвало то, что Власа сюда привела именно Варя. Интересно было, какой вариант верен.

– Что-то я не слышала, как ты зашёл, – между делом удивилась Мари.

– Да я через окно.

Варя вóвремя отвоевала Власа у соседки, чтоб избежать дальнейших объяснений, и повела его в другой конец коридора. Там стоял шкаф с подушками и кресло. Она поставила оставшиеся две кружки на ручку кресла, а сама уселась вглубь открытой части шкафа на стопку пледов и одеял. Уперлась согнутыми босыми ногами в кусок фанеры, положила подушку на колени и скрестила руки на ней.

– Если бы Ты написал книгу, то о чём бы она была?

Вопрос Власа внезапно смутил. Будто бы вынес наружу что-то сакральное, что-то не для чужих глаз. Влас не помнил, чтобы раньше чувствовал себя так.

—Я бы не написал книгу.

Молчание.

– Ты всегда такие вопросы задаёшь?

Варя наблюдала за долькой лимона, описывавшей круги в кружке чая.

– А что странного? В мелочах познаётся настоящий человек. Без масок.

– Думаешь, я маски примеряю тут?

– Не совсем. Но ты не открываешься просто так, верно?

—Ещё бы я тут начал рассказывать о сокровенном. Будто это кому-то надо.

Она промолчала. Влас понял, что отвечает чуть грубее, чем хотел. В чём дело? Он злится на то, что ему понравилась девушка?

– Ты так уверен?

– Точнее самоуверенный, ты хотела сказать. Неужели ты только заметила?

– Да нет, я ведь совсем о другом. По моим наблюдениям...

– А, так ты ещё и наблюдаешь за мной? – Влас чувствовал – у него почти получилось её раздраконить. Зачем? Проверить, вывести на эмоции. Должен же быть у неё хоть какой-то изъян, который позволил бы ему разочароваться. Вот сейчас она психанёт, выгонит его за дверь и можно будет спокойно жить дальше без всех этих эмоциональных привязанностей.

Но она отвела свои хвойные глаза, и кротно, хоть и с постоянной своей полуироничной интонацией сказала:

– А по-моему, это Ты за мной наблюдаешь больше, раз нашёл, где я живу.

Повисло длительное молчание. Даже не так, повесилось.

«Море или горы?» Блин. Что за вопросы у неё в голове? Что за абстракция? Влас уходил в отказ, когда слышал такое, но да ладно, решил вышибать клин клином, всё равно же поговорить пришёл.

– Марвел или Ди-Си⁶?

– Что? – на автомате переспросила она, но сообразила ещё до того, как Влас успел повторить. Просияла:

– Чертовски хороший вопрос, я очень хочу его поддержать, но-о мне ни то, ни другое не очень близко. А вот комедии советские я люблю!

Кажется, это было то, что Влас интуитивно пытался про-

⁶ Marvel и DC — две конкурирующие американские компании, выпускающие комиксы о супергероях, на основе которых было снято великое множество кассовых фильмов.

щупать последние минут двадцать. Вот он, ключ к разговору с Варей – спрашивать.

– Красный или синий?

– Синий.

– Скейт или ролики?

– Велосипед, конечно!

– Компот из нашей столовки или холодный чай за 37 из «Пятёрочки»?

Они оба захохотали на весь коридор. Начало было проложено. Мозг Власа жадно цеплялся за любую деталь, которая позволила бы продолжить разговор.

– А работаешь ты кем?

– Репетитором в онлайн-центре подготовки к ЕГЭ⁷.

– Солидно. А родители тебе совсем не помогают?

⁷ Единый государственный экзамен – в России служит одновременно выпускным экзаменом из школы и вступительным экзаменом в вузы.

– Как и тебе.

– Да, но мои просто не поняли решения переехать в Россию, а твои-то за что?

– Не за что́. Они погибли больше года назад.

– Ох, чёрт, – осёкся Влас. Сказал бы ему кто-нибудь раньше...

– Прости, я не знал.

– Ничего, забудь. Это уже не свежая рана.

– Выходит, ты перед поступлением жила в приюте или с другими родственниками?

– Нет.

– А как тогда?

– Сама.

– Как сама?

– Так уж вышло.

– И куда служба опеки смотрела...

– Вообще-то смотрели они в оба. Пришлось постараться, чтобы меня в приют не упекли.

У Власа всё ещё не складывалась полноценная картинка. Слишком невероятным всё это казалось:

– Да как так-то?

– А тебе всё скажи да расскажи, – лукаво прищурилась Варя.

– Сказала «а» – говори и «б».

– А что если нет?

– Повешусь на люстре от негодования, – усмехнулся Влас.

Варя одарила его улыбкой, от которой по коже Власа пробежали мелкие мурашки. Пришлось закинуть ногу на ногу. «На кой чёрт я надел эти дурацкие треники?» – подумал он.

– Дату рождения в документах подфотошопила. Да и выглядело всё достаточно правдоподобно: я как раз заканчива-

ла школу. Большинство детей отдают учиться в семь лет, а я пошла в шесть. Но тётка из опеки об этом не знала. Сначала они мне не очень-то верили, потому как в электронной базе стояла моя настоящая дата рождения. Очень повезло, что это проверка документов затянулась, и об этом деле все благополучно забыли.

– Ёб твою... Умно, умно, – только и нашёл, что ответить Влас. Все его полунадуманные представления о Варе менялись теперь с какой-то космической скоростью. Наверное, впервые в жизни Влас видел человека более рискованного, чем он сам.

А Варя продолжала:

—...я знала, где мать хранила деньги на чёрный день. Их хватило с февраля по май. Дальше я начала носить вещи и мебель на барахолку и продавать там, чтобы прокормиться.

– И ты параллельно ходила в школу?

– Иногда. Редко.

– Но неужели у тебя нет даже дальних родственников?

– Влас, мои родители начали встречаться в детдоме, когда

им было по пятнадцать.

Влас умолк. Конечно, разные вещи случаются в России, но раньше он и представить себе не мог, что человек может так просто взять и выпасть из жизни – оказаться забытым и потерянным своим же государством. Не так уж Варя и старалась, чтобы её перестали трогать, и Власу от этого было даже немного страшно. К тому же он и предположить не мог, то Варя сирота.

– К ЕГЭ я готовилась кое-как, но сдала неплохо и поехала поступать туда, куда прошла.

– И как ты сейчас репетитором работаешь?

– Нам дают рекомендации. Думаю, к экзамену по русскому языку даже ты смог бы школьников подготовить. По-моему, это несложно.

– А по-моему, – ответил Влас, – у тебя просто неплохие способности. Я вот не представляю пока что, как буду с детьми взаимодействовать.

– Спасибо, – видимо, Варе польстил комплимент, потому как она покраснела и, желая избежать неловкой паузы, поспешно спросила: – А ты где подрабатываешь?

— Да так. Что попадётся, за то и берусь. Летом устроился грузчиком, сейчас не очень удобно с учебой совмещать, поэтому, думаю, скоро уйду отсюда. Думаю, буду переходить на фриланс и какие-нибудь несложные проектные работы.

– Слушай, а почему ты спросила: горы или море?

– Интересно потому что. Я никогда море не видела.

– Да, помню, ты рассказывала.

– А ты местный?

– Нет. Хохол, как у вас это называют, – ухмыльнулся Влас.

– Вот это даль. Мне казалось, все беженцы едут куда-нибудь на юг.

– Да какие беженцы, я под Киевом жил.

– Тогда я ещё меньше понимаю, что ты здесь делаешь.

– Ну вот родители тоже не поняли моего выбора. Попытаюсь объяснить, только не смейся.

Варя смотрела на него пытливно:

– Не обещаю.

– Мне просто захотелось уехать в глубину большой страны. Подальше от столиц, от всех разборок и мерений письмами. Туда, где простые люди. Я просто в один день купил билеты на самый дальний поезд, какой нашёл в расписании. Остановливался дважды: в Ростове-на-Дону и в Самаре. Приехав в Тюмень, прям почувствовал, что оказался достаточно далеко от цивилизации, чтобы жить и кайфовать.

По взгляду Вари стало понятно: Влас только что вырос в её глазах.

– Вот это да... И ты ещё говоришь, что я рискованная?

Влас всё думал, даст ли она ему леща, если они поцелуются, как тогда, на движе в ванной.

– Еда или сон важнее?

– Еда, конечно. Отосплюсь на пенсии.

– Так значит ты не из тех барышень, которые при любой фигуре хотят похудеть?

– Нет, конечно. А похожа?

– Не знаю. Не видел твоё тело.

Влас запнулся на последних словах. Уже произнеся их он понял, как пошло это прозвучало. Поздно. Сейчас Варя его выгонит взаишей... Но нет. Сидит смотрит недоумённо. А потом как начнёт смеяться.

– Даже не подглядывал, когда я переодевалась из промокшей одежды?

– Как понимаешь, да.

Она продолжала хохотать. Неестественно долго и громко. Ситуация, видно, её сконфузила. В воздухе всё ещё назойливо кружилась неловкая фраза Власа. Как проворная муха, которую всё не получалось прихлопнуть. Варя всё не умолкала. Влас не выдержал и зажал ей рот рукой с упрёком: «Дура, твои соседи уже отдыхают, что ты делаешь..» и тут произошло непредвиденное: Варя перехватила его руку, выкрутила кисть так, чтобы ладони оказались друг напротив друга и сплела их пальцы. Мастерски, будто делала это уже тысячу раз. Влас почувствовал себя в ловушке. На секунду лишь душа запротестовала против этих девичьих сетей, но тут он

зацепился вниманием за необычное ощущение, которого не было раньше, когда у него дело подходило к близости с девушками. Он не мог описать его, но похоже было больше всего на доверие. На какие-то зачатки убеждения в том, что Варя херни не сделает.

Как из этой нелепой, абсурдной, но милой игры получился поцелуй и кто его инициировал? Не представлялось возможным выяснить. Казалось, Варя тоже ждала такого случая.

Моменты волновали всё больше и больше. Один за другим. Влас и сам себе признавался, что он – не мастер описания эротических сцен, хоть и обычно его половые контакты с девушками обобщались двумя-тремя словами вроде «скучно», «неплохо», «бревно» или «профи-шлюха». Здесь же он так и не подобрал нужных определений даже мысленно. Да и такое не надо было приближать к словам.

Влас совсем не ожидал того, что Варя окажется такой мягкой. В одежде она выглядела худой, даже тощей. Теперь же, во тьме и бликах всего, что освещало улицу и давало отблеск в комнату через окно без занавесок, он увидел, что у Вари достаточно большие бёдра и круглые плечи. Его мысли о том, как же хитро устроена женская одежда, утонули в манящем «всё равно». Наверное, это странно, но все несовершенства, какие он узнавал в этой девчонке теперь и потом,

лишь больше приближали Власа к ней. И шёлковый голос, и необычная комплекция тела, и манера общения такая, будто она вообще не видела, что Влас – парень, но точно замечала в нём личностную составляющую – всё в Варе было сочтено как красивый сухоцвет и нераздельно.

После близости она погрузилась в ночь. И взяла с собой меня.

В ту ночь Влас проснулся только один раз – ногу судорогой свело. Едва он попытался ею пошевелить, как почувствовал длинные паучьи пальцы проникшие под ткань носка, мягкими кончиками подушечки стоп. Влас снова провалился в сон. Неподдельно счастливый глубокий сон. Вот если Валере Красникову начинала по-настоящему нравиться девчонка, он приходил в общагу и начинал петь всем о том, что это начало чего-то великого. Было ли у Власа сейчас то же? Вряд ли. Он не знал, чего ждать. А вдруг ей завтра в голову взбрёт отпинать его ногами и выгнать?

Но сейчас Влас решил не думать об этом.

Ему было хорошо.

Прошёл день. Второй. Третий. Всё это время Влас с Варей если и пересекались, то только мельком успевали лишь поздороваться. Даже после таких ярких событий Влас был не уверен, что она восприняла его серьёзно. Он всё чаще сомневался, и уже оставил почти все надежды на то, что они будут ещё общаться, когда Варя подседа к Власу на лекции. Только он открыл рот, чтобы сказать «привет», как в аудиторию вошёл профессор Василий Елисеевич Бойков – гроза первокурсников, как его называли. Первые минут десять они молча писали каждый в своей тетради, потом, наверное, устали, ибо краем глаза Влас заметил, как Варя подперла голову рукой и перестала записывать. Обратила скучающий взгляд на доску за спиной лектора. Влас тоже прекратил писать и, сложив руки одна на другую, почти лёг на парту. Глаза Вари прищурились как в улыбке, словно говоря: «Эх ты, тоже сдался», но вслух она озвучила то, что я вряд ли предположил бы даже на пьяную голову или во сне:

– Поцелуешь меня?

«Ядрён батон, что у неё в голове творится?» – недоумевал Влас. Он бы скорее решил, что эта девка просто озабоченная, но её следующие слова взвели Власа, как пятиклассника

слово «слабó»:

– Ты же не боишься его? – и кивнула в сторону лектора.

Влас взглянул на Бойкова, который в это время малевал какую-то схему на доске. Они сидели в самой середине аудитории, на самом видном месте. Он уже готов был поцеловать Варю, но тут внезапно возникла мысль о том, что они с ней находятся в неравных условиях. Влас тоже хотел диктовать правила.

– Только если стоя перед всей аудиторией, – сказал он.

Повысил риск, чтобы пощекотать Варины нервы. Та посмотрела на Власа недоверчиво.

– Не дрейфь, он пока на доске пишет, не видит.

Она всё ещё молчала и смотрела на Власа. И тут он пустил в ход её запрещённое оружие:

– Или боишься профессора?

Азартом заискрился воздух ста пятидесяти квадратных метров лекционной. Варя резко оттолкнулась руками от стола и рывком встала с места. Влас в одно мгновение вытянул-

ся в полный рост и грубо прижал её голову к своим губам, держась рукой за Варин затылок. По партам прошёл тихий гул. В кровь захлестнул адреналин. Аж до пульсации в ушах. Он только успел подумать о том, какой у неё маленький девичий череп, прежде чем через щель в полузакрытом глазу боковым зрением Влас заметил, что преподаватель оторвал мел от доски. Двигался он неторопливо, потому как Влас успел упасть на парту и утянуть за собой Варю. Тихий смешок раздался с задних рядов.

– Я что-то смешное говорю? – громко спросил Василий Елисеевич и, не услышав ответа, вернулся к своему предмету.

Ещё пару секунд Влас и Варя отходили от произошедшего под перешёптывания взбудораженных студентов, но стоило профессору вновь обратиться к объяснению схемы, Варя взглянула на Власа, тот – на неё. Миг – и они снова стоят, целуются.

Шёпот толпы стал громче, слышались одиночные возгласы. Лектор, резко обернувшись, рыская злым и рассеянным взглядом по аудитории, не нашёл причины беспокойства студентов, и, выругавшись в адрес всех первокурсников, продолжил объяснять тему. Влас и Варя чуть не лопнули, пытаясь не засмеяться.

—

С тех пор они почти всё время проводили вместе. Занимались друг другу очередь в столовой в перерывах между парами, гуляли после занятий. Со временем Влас даже начал звать её к Хрису и познакомил с компанией.

Варя им понравилась. Она общалась, слушала, пила – всеми силами старалась включить экстраверта. Власу это нравилось. Иногда приводила с собой за компанию девчонок, причём часто довольно адекватных, но больше всего Чернуха покорила ребят своими спонтанными вопросами, из которых почти всегда рождались бурные споры.

– Если бы про вашу жизнь сняли фильм, то как бы он назывался?

Хрис кивнул Лепсу:

– Вот у тебя точно был бы «Тысяча поводов выпить».

Лёха шутливо пригрозил кинуть в ответ в Диму зажигалкой:

– А твой – «Дон Жуан с физкультфака» или «Ищу Вене-

ру».

Все засмеялись, Христофоров тоже, но заметно покраснев. Валера, видимо, заметил это и попытался разрядить обстановку:

– Да ладно вам Хрису смущать. Он же предохраняется.

– Так, Крас, а ты откуда знаешь? – спросил Влас.

Вся комната вспыхнула диким хохотом. Атмосфера осеннего вечера была более чем приятная, хоть и с такими сальными шутками. Хрис достал откуда-то специи для глинтвейна, и теперь пряный напиток на дешевом вине кипятился и булькал в кастрюле под бестолковые милые разговоры на кухне, в которых тогда, казалось, было столько смысла.

– А Валеру точно продюссировал бы Макс Корж⁸, – улыбнулась Варя.

– Да ну, – рассмеялся Красников. – А если про Власа?

На секунду все замолчали в попытке найти, за какую же Власову черту зацепиться. Лепс сообразил и озвучил быстрее всех, не дав паузе затянуться:

⁸ Белорусский певец и автор песен.

– «Щас втащу!»

– «Хлебало закрыл!» – сипя, вытянул шею Хрис, подражая севшему голосу Власа.

– «Щас втащу 2» – подхватил Крас.

– «Переехать женщину и влюбиться» – отозвалась Варя так тихо, что слышал только Влас и Валера, сидевший ближе всех.

Влас показал ей язык в той же манере, в какой это делала она, и сказал:

– Вот что должно произойти для того, чтобы ты перестала стебать меня по поводу нашей первой встречи?

– Наша последняя встреча, ВАХАХАХАХА!! – Варя уже напилась глинтвейна и по полной дурачилась. – Влас, ты только учти, что если надумаешь попрощаться со мной раньше, чем я выйду на пенсию, я возьму твою фамилию и буду ходить тебя бесить!

Винные запасы и специи быстро закончились. Когда ты юн, ценно общение. Еда, алкоголь и всё остальное отходит

на второй план. Ты воплощение крайности в этом убеждении. И во всём остальном тоже. Ты – чист и пуст, как стакан, который на 90% наполняется общением и только на 10 – алкоголем.

Когда Влас только начал брать Варю с собой на тусовки у Хриса на правах девчонки, которая точно ничего не испортит, ребята легче поверили в то, что Влас обзавёлся другом-девкой, чем в то, что у него могут завязаться какие-то отношения. И уже позже, когда все поняли серьёзность дела, Хрис завёл тупую привычку при любом упоминании Вари в разговоре иронизировать, мол, на его памяти ещё не было такого, чтобы Влас позволял себя очаровывать.

– Дурень, – ответил тот, – ты меня всего-то два месяца знаешь.

Но, честно повествуя, для Власа это мало походило на реальность. Легче было представить, что всё это – красивое лирическое отступление, и скоро всё вернётся на круги своя.

Помимо всех симпатичных Власу черт была у Вари ещё одна интересная особенность: она быстро пьянела. Такой высокой крепкой девке было достаточно стакана пива, чтобы улицы Тюмени начинали кружиться над ней. В сентябре ещё было тепло, и вечерами было приятно пройтись по сырым от дождей дорожкам, залитым тёплым осенним светом фонарей, почувствовать, как остывает пропаренная летними месяцами земля, а ближе к закату – непременно пойти на крышу панельной десятиэтажки, которую показал Власу Валера Красников.

Кстати, где-то в середине октября компания всё-таки намозолила глаза жильцам, и те повесили замок на чердачную дверь. Крас притащил здоровенные кусачки и попытался восстановить доступ к любимому месту встреч закатов, но ничего не вышло. В другой раз он просто пришёл с отмычкой и за пять минут снял замок.

Но однажды Влас захотел впечатлить Варю и нашёл новую крышу – только для них двоих. Одалживать инструменты не понадобилось: чердачная дверь симпатичного дореволюционного четырёхэтажного домика была закрыта на обычный засов.

– Неплохой тут вид, – с деловым видом одобрила Варя, едва выглянув из-за последней ступеньки.

Выбравшись из неровного квадрата чердачного окошка, Влас подал руку спутнице.

– Аккуратно, тут немного скользкое покрытие.

Варя вылезла, выпрямилась во все свои «почти метр восемьдесят», как она иногда это называла, разгладила складки на юбке и куртке и огляделась.

– Хорошо здесь. Ты молодец, что нашёл крышу, пока тепло.

В действительности было уже не очень тепло, но хотя бы обошлось без ветра. Влас смотрел на Варин счастливо-задумчивый взгляд.

– Как чувствуешь себя? – спросил он.

– Честно? – она повернулась и обратила взгляд прямо в центр его зрачков. На секунду Власу показалось, что глаза её сменили цвет: стали ярче. – Мне непривычна такая прямота. Но хочется. Хочется описать это сейчас, чтобы запомнить, чтобы смаковать потом эти секунды.

Она снова повернула голову в сторону города, будто за-

стеснявшись говорить ему в лицо, и продолжила:

– Невероятное тепло. Ощущение эмоциональной близости на очень высоком уровне. Это кажется чудом, забытым со времён смерти родителей. Или нет, даже ещё раньше... Ты мне так не понравился в самом начале и тем поразительнее теперь находить всё новые и новые точки соприкосновения. Чёрт. Так сложно объяснить всё. Крайне непривычна для меня такая ситуация. Извини.

– Я тоже не имею привычки говорить о чувствах.

И, погодя, Влас добавил:

– Разве не лучше просто в них погружаться и никак это не называть?

Они осторожно пробрались к краю крыши и сели. Да, четыре этажа не сильно возвысили их над городом, зато оттуда были видны крыши ближайших домов с нитями проводов и антеннами, которые торчали из-за ржавых листов стали и крон пожелтевших деревьев как шпажки в праздничном торте, только чуть мрачнее.

– Немного на Питер похоже.

– Я видела его только на картинках в гугле, – печально приулыбнулась Варя.

– Значит всё ещё впереди, – приободрил её Влас. – Тебе всего лишь восемнадцать.

– Как и тебе, собственно, – усмехнулась Варя. – Кстати, к нам скоро одна питерская группа приезжает. Не хочешь пойти? Они классные, но не шибко известные, потому вход по фигне стоит.

– А что за группа?

– «Почти счастье» называется.

– Звучит неплохо. Послушаю на досуге, но в целом я за любой движ, так-то считай, идём.

Влас предвкушал. Как всё, что они с Варей впоследствии задумывали сделать. В провинциальном городе используешь любую возможность подкинуть в жизнь приключений, потому на той же неделе Варя и Мари побежали целоваться под табличкой «деканат педагогического факультета». Влас взял на себя роль оператора. Ещё с ними был Валера.

– Ай-яй-яй, – кричал он, давясь от хохота, немногочис-

ленным людям, сидящим в коридоре. – И эти дамы будут учить Ваших детей. Запомните их!

С диким смехом, держась за животы и скользя по перилам лестницы, они убежали оттуда, пока работники деканата не вышли из кабинетов на шум.

Октябрь

Шёл разговор о «Формуле-1», когда Варя и Влас, уже опьяневшие от второй «Балтики 9», окончательно перестали замечать остальных людей в компании и после нескольких минут взаимного разглядывания туманными глазами, не обмолвившись не словом, одновременно встали и ушли в другую комнату, закрыв за собой дверь на защёлку.

Оставшиеся в комнате люди мгновенно умолкли и заулыбались:

– Вот это мо-ощь, – понизив голос, прокомментировал Христофоров. – Я думал, они друг друга загипнотизируют.

– А ведь они реально как два сапога, – заметил Валера.

– Ой, ну вот, пошли сопли, – перебил их Лепс. – Нормальный же вечер был.

– Лучше б порадовался, ворчелло, – вставил одно-

группник Валеры Денис.

– Ладно, хорошие они с Варей, хорошие. Правда, лучше б они просто целовались, чем весь вечер друг друга глазами раздевать. Менее интимно бы выглядело.

Конец последнего слова заглушил грохот чего-то тяжелого и ругательства, слышащиеся из соседней комнаты.

Валера и Дима подскочили с места. Думали, что-то случилось, но уже через секунду по обрывкам экспрессивных фраз стало понятно, что Влас и Варя просто ссорятся. Сначала все вздохнули с облегчением, но ссора начала приобретать угрожающие масштабы: голоса стали громче и Хрис решил вмешаться, потому как вспомнил о маминой вазе, стоявшей на комод.

Но разнимать их не понадобилось: едва лишь Дима дотянулся до двери, как щёлкнул замок, она настеж распахнулась, и из комнаты вылетела Варя с немедленным намерением уйти и крайней степенью возмущения на лице, а Влас, до невозможности раздражённый, пошёл в кухню и начал пить коньяк залпом. На вопрос о том, что произошло, он пообещал разбить бутылку об голову тому, кто ещё раз спросит об этом.

Варя пришла домой и молча, прямо в пальто легла на кровать. Уставилась в потолок. Там много трещин и подтеков, долго можно считать.

– Ты чего так рано сегодня? – Не отрываясь от учебников спросила Рита.

Варя не ответила. Она чувствовала, что количество влаги на роговицах уже на пределе, стоит лишь немного пошевелиться – и скатится слеза.

"Впитайся обратно, – умоляла про себя Варя. – Я знаю, ты можешь".

– Варь? – переспросила Рита и снова не услышав ответа, обернулась.

Слеза всё же скатилась.

"Ох, чёрт," – пронеслось в голове Вари.

Рита встала из-за письменного стола и подошла к кровати. Провела рукой туда-обратно перед глазами. Ноль реакции.

– Варь, ты же ничего не употребляла?

Лицо, склоненное над ней, плавало в пелене вновь набирающейся слезы.

– Не думай так, Рит, я против наркотиков.

– Ты расскажешь мне, что случилось?

Тишина в ответ. Рита ещё немного постояла над соседкой, раздумывая, чем ей помочь, и в итоге сняла с длинных ног, не помещавшихся на кровати, ботинки и попыталась освободить ее от пальто. Варя зарылась вглубь одеял и подушек, продолжая беззвучно плакать.

Так комната жила в молчании до того, как домой вернулась Мари. Она, конечно, уже всё знала, хоть её сегодня и не было у Христа в гостях. Варя не слышала, как она зашла – только звук чашки, поставленной на тумбу над кроватью и терпкий запах имбирного чая.

Среди ночи Варя проснулась оттого, что кто-то гладил ее по плечу. Выглянув из-под покрывала, она увидела соседку Лизу, видимо, только что вернувшуюся с работы. Красиво подведённые уставшие глаза выражали сожаление.

– Прости, – прошептала она. – Не хотела тебя разбудить.

В следующий раз Варя проснулась в воскресенье в половине пятого вечера. Ей казалось, что она сходит с ума. Как мог быть одним и тем же человеком Влас, с которым они гуляли по лесу в сентябре и тот хладнокровный циник, который даже не дрогнул, увидев, в каком глубоком отчаянии находится Варя, и только продолжил ранить её каждым последующим словом.

Нет. Не думать. Не вспоминать ни в коем случае дальше.

Она повернула голову, взглянула на чай на тумбе, так и оставшийся нетронутым и снова уснула.

Так Варя засыпала и просыпалась в течение почти двух суток. Иногда её будил какой-нибудь совсем маленький шорох соседок, но вставать она не спешила: вертикальное положение тела теперь доставляло ей сильную головную боль.

И всё же: вот зачем люди так делают? Привязывают к себе покрепче, изучают самую глубину твоего внутреннего мира, тысячи его деталей, но стоит им найти лишь одну поверхностную, существующую в твоем характере случайно и недолго занозу – и они бьют пощёчину всему хорошему, что

было.

Вот зачем?

На третий день с сотовой попытки Мари уговорила ее пойти поесть. Варя потрогала ложкой липкую поверхность остывшей овсянки с ягодами. Соседка так старалась для неё – вон фруктов нарезала, ещё орешков насыпала. А Варин аппетит от этого лучше не стал. Уже после двух-трёх ложек через силу каша перестала лезть в горло, а желудок до краёв наполнился и всё норовил прервать трапезу рвотными позывами.

Быть может, тошнило её не от каши, а от ситуации?

«Какого чёрта?» – пронеслось в голове Вари.

И действительно, какого чёрта она уже который день киснет дома из-за какого-то там Власа? Ведь слова его не про Варю. Слова его – про его неумение выплеснуть обиду другими способами.

А через пару дней ей и думать о нём станет противно. Господи, кажется, уже противно.

Варя взглянула на часы. Полдвенадцатого. Она ещё может успеть к третьей паре, если очень постарается побыстрее принять душ. Горячие капли побегут по телу, скатываясь в ручьи, и унесут с собой всю эту жуть. Всё, что было.

На учёбу она ходила первые два дня по инерции, по привычке выполняя домашку и почитывая вечерами Камю разнообразия ради. Влас на лекциях не появлялся, и ей было от этого немного лучше. На третий день они пересеклись в коридоре, и Варя, остужая ёкнувшее слишком громко сердце, всё думала: он не поздоровался потому, что не хотел или потому, что разнонаправленные потоки людей унесли их друг от друга слишком стремительно?

То была пятница. В этот же день Мари решила устроить самый девчачий в мире уикенд и позвать погулять и вкусно покушать всех обитательниц дома, кроме Лизы, которая, как всегда, была на работе. Предложение было принято и реализовано в течение следующих полутора часов.

Сначала девчонки славно прошлись по подмёрзшей набережной, а когда октябрьский вечерний минус дополнил ещё и ветер, речь зашла о выборе заведения.

– А давайте в «Свою компанию» пойдём? Там пицца классная, – предложила Мари.

– Ну нет, – прервала её Рита. – Я туда не хочу.

– Почему?

– Просто я не люблю новые места.

– Ты ни разу не была там?

– Нет.

– И попробовать не хочешь?

– Не очень.

– Окей, тогда куда Ты предлагаешь пойти?

– В «Сабвей».

– Да ну, в «Компании» же вкуснее и намного качественнее.

– Марь, я люблю ходить в одно и то же место и брать одно

и то же блюдо. Я не люблю новое.

Варя, не вмешиваясь в разговор, слушала, и понимала, что отношение Риты к общепиту напоминает её ситуацию с Вла-сом. Прикипая душой к старому, но понятному и предсказу-емому, боясь будущего, она наверняка упускала что-то луч-шее, пусть пока и не до конца представляла себе, что именно.

Упрямая.

«Сабвей» даже в один ряд нельзя поставить с пищей из «Своей компании». Блин. К чертям такое постоянство.

Когда девчонки вернулись домой, было уже за полночь. После плотного ужина клонило в сон, но сегодня была Ва-рина очередь мыть полы.

Кто вообще придумал белую плитку в ванной? Перфек-ционизм не позволял оставить там хотя бы одну крохотную соринку. Выжимая тряпку, Варя думала о том, что жизнь её сложилась неправильно, потому что все более-менее осо-знанные годы, с тринадцати лет ей каждую зиму кто-то нра-вился, и это её грело. А нужно было учиться жить незави-симо, быть огнём, который греет окружающих, а не искать

жалкие искры. Краем глаза она взглянула в зеркало, которое, по-хорошему, нужно было тоже помыть.

«Что я за человек такой?»

В отражении на неё исподлобья глядели запуганные туманного цвета глаза. Впереди холодная сибирская зима – первая, которую Варя предстоит провести одной. И научиться дружить с собой.

Отвратительно. От-вра-ти-тель-но. Прошла всего неделя, и Варя уже недоумевала: как её угораздило так вляпаться?

Срочно нужно обрубить все контакты... Едва оправившись от пережитого, Варя заблокировала Власа во всех соц-сетях, чтобы не оставить им обоим шансов повторно напороться на эти грабли. К сожалению, у него остался мобильный. Если занести его номер в чёрный список, Влас знает, где она живёт. И даже представив себе, что ещё не поздно съехать в другую квартиру, чёрт возьми, они всё ещё учатся в одном вузе. Обойдётся. Больно много чести для такого мудака.

Вот и всё. Стоит ли говорить о причинах, если едва начавшие узнавать друг друга Влас и Варя уже разругались в конец? Да так, что оборвали все надежды на простое человеческое, что у них так успешно складывалось и даже не пожалели, что разошлись. Обоим было настолько неприятно, что они негласно решили вернуться к своим жизням и отсечь друг друга, дабы не мозолить глаза и не раздражаться ещё больше.

«Тупая девка очередная», – думал Влас, идя на концерт.

«Хорошо хоть пораньше себя показал, подонок», – рассудила Варя, надевая чёрные рваные джинсы. Она тоже решила, что нет причин пропускать концерт любимой группы только потому, что туда может прийти Влас. «А может и не прийти», – думала она. – «Не помню, чтобы он от них фанател». Варе даже было плевать, что она шла туда одна. «Ничего, музыки больше послушаю. И, может, даже потанцую».

«Блядский чёрт, ничего я не послушаю!»

Сердце бешено заколотилось в ушах, когда Варя увидела в толпе толстовку Власа. Он стоял к ней спиной. Со всей той

же компанией.

На сцену вышли музыканты, начали играть песню, которую Варя включала, когда они с Власом впервые вылезли на крышу. Потом ту, которую они слушали в перерыве на лекции. После неё – ту, под которую танцевали пьяные дома у Христофа. «Чёрт, а ведь ещё предстоит четыре года в одном вузе учиться и как-то переживать лекции по вторникам», – с ужасом подумала Варя. И теперь, несмотря на всё произошедшее, ей хотелось контакта. Но нет, нельзя... какого рожна он вообще пришёл на этот концерт? Хотел её увидеть? Напросился, сейчас увидит.

Два с половиной часа назад:

Дни шли, и расставание становилось всё менее значимым. Варино отвращение к ситуации утонуло в повседневности, да и Влас больше об этом не вспоминал. Потому он и не особо возражал, когда Хрис напомнил о концерте группы «Почти счастье». Изначально идея пойти туда принадлежала Варя, но теперь всё, что было связано с ней, затёрлось в памяти, и Власа не особо волновала вероятность их встречи. Да и нечем больше было заняться тем вечером, кроме как всей

компанией вкатиться в ободранный местный клуб.

Музыка, честно говоря, Власу не очень импонировала, но именно под такую ноги неслись в пляс, и после второго стакана пива он не сопротивлялся. Всё равно никто не видит сквозь толпу людей.

Лепс позвал с собой девчонок в полтора раза больше, чем им нужно было, так что они вместе выкроили себе кусочек зала в углу под сценой и пританцовывали там. Третье пиво, четвёртое... «Существует ли в этом мире что-то лучше пива?» – думал Влас, когда в голову дало давно знакомая хмельная придурь, ноги стали легче, и мир задвигался.

Прикрыв глаза, Влас наслаждался музыкой. Толпа зрителей периодически взывала, свистела, поддерживая группу музыкантов, и ничто не помешало бы Власу плыть по течению всех этих звуков, если бы Валера Красников не заорал ему на ухо: «Еб твою мать, Влас, твоя девка со сцены прыгнула».

От неожиданности Влас распахнул глаза. И правда, прыгнула в толпу. Он уже успел испугаться, что её не поймали, когда ноги в рваных джинсах вынырнули на поверхность моря поднятых вверх рук. Влас сначала подумал, что она очень пьяна, но поймав взгляд зелёных яростных глаз, понял, что

она не пила вообще. Поток разномастных ладоней выбросил её на сцену, и она прыгнула ещё раз. А Влас стоял, смотрел, не слыша больше музыки – только разговоры друзей о том, что его де... кхм, бывшая девушка тусит сегодня круче, чем все остальные двести человек в зале вместе взятые.

Ну и пускай прыгает. Пусть хоть голову себе расшибёт. Дженис Жоплин⁹ хренова. Только Влас подумал о том, что провокации танцевать не мешают, как Варя, будто услышав краем уха его мысли, начала жестить ещё больше: вылезла на сцену с какой-то девкой и – вот же дрянь – поцеловала в губы и за руку с ней прыгнула в толпу.

– Ого, Влас, что ж ты раньше не рассказывал, что она такая горячая? – прокричал сквозь музыку Христофоров. Он собирался ещё что-то сказать, но одного взгляда Власа было достаточно, чтобы он заткнулся.

Третий раз на сцену она уже вылезла с другой девчонкой, тёмненькой и по старой схеме притянула её к себе грубым мужским рывком, который исходил будто бы из чужих рук, не из её бледных тонких пальцев. Перед прыжком откуда-то взявшийся охранник схватил Варю за щиколотку, но она резко рванулась в толпу и вот полсотни человек снова катают её

⁹ Дженнис Джоуплин – американская рок-певица 70-х годов прошлого века, известная своим скандальным поведением.

на руках под обалдевшие возгласы моих друзей. Влас лишь мельком поймал взгляд оголтелых зеленых глаз. Нет, не музыка, а эти безумные радужки рвали ухо криком: «Ты меня ещё не знаешь, а уже отказался». В остальное время он видел лишь её ноги, торчащие из толпы, кусочки белых носочков и те самые кеды, которые они вместе хотели похоронить на заднем дворе, но не успели.

За весь вечер они не обмолвились ни одним словом, но всё в Варе, каждая чёрточка этого чёртова создания, въедалась, режа зрение, и кричала: «Не знаешь, не знаешь, а бросил». Она была зла, очень зла.

Власу уже её выходки начали доставлять изрядные неудобства. Он стал заглядываться на руки толпы, которые носили его бывшую пассиву под потолком. Какого чёрта они её трогают? Ладонями и пальцами. За ноги и голые предплечья. За ткань майки, которую он не раз снимал с Вари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.